

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ,
РАССКАЗЫ

М. КОЛОСОВ
А. ФАДЕЕВ
М. ШОЛОХОВ
В. СТАВСКИЙ
А. СВИРСКИЙ

С Т И Х И

Дм. КЕДРИН
Ал. ТВАРДОВСКИЙ
М. ИСАКОВСКИЙ
К. МИТРЕЙКИН
Б. УРАЛЬСКИЙ
С. БОНДАРИН
Г. КРЕЙТАН

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

Ф. ПАНФЕРОВ
Н. ДЕМЕНТЬЕВ
М. С.

ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ

Е. ЕРМИЛОВ
А. ИСБАХ
С. ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ
Н. КОСТАРЕВ
Ф. ФЕДОТОВ

К Р И Т И К А

Л. АВЕРБАХ
И. ГРОССМАН-РОЩИН
М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

К Н И Г А

Т Р Е Т Ь Я

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1

9

2

9

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1929 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТ. - ХУД.
И ОБЩЕСТВ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛ
ВСЕРОСС. АСС. ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

ОКТАБЕРЬ

В 1929 г. в журнале будут напечатаны

РОМАНЫ: А. Фадеев — Последний из Удэге; М. Шолохов — Тихий Дон (кн. 3); Ф. Панферов — Бруски (2 кн.); Ю. Либединский — Любовь Шорохова; Н. Богданов — Тихие братья; М. Слонимский — Отрывок из романа.

ПОВЕСТИ: Л. Копыловой, А. Гайдара, Ю. Олеси, Н. Тихонова, А. Свирского, М. Лузгина, В. Саянова, Н. Асеева, А. Караваевой, Г. Шубина, П. Логинова-Лесняка, М. Залка и др.

РАССКАЗЫ: А. Серафимовича, М. Колосова, Ив. Макарова, В. Катаева, Л. Никулина, В. Ставского, Я. Шведова, Н. Огнева, А. Веселого, И. Катаева, А. Малышкина, С. Семенова, Д. Хаит, Ив. Мыкитенко и др.

ПОЭМЫ И СТИХИ: Н. Асеева, Э. Багрицкого, М. Светлова, В. Саянова, И. Сельвинского, Д. Алтаузена, А. Безыменского, М. Голодного, В. Маяковского, И. Уткина, А. Жарова, Ясного, Гусева, Я. Шведова и др.

★

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ: Отдел ставит задачей дать материал, освещающий творческий путь писателя, проблемы, возникающие у него в повседневном соприкосновении с действительностью. Процесс отбора впечатлений и реагирования на злободневные вопросы действительности. Взаимоотношение писателя и среды. Участие писателя в партийной и общественной работе.

В отделе примет участие ряд виднейших писателей.

ПЕРЕЖИТОЕ: В отделе будут печататься романы-хроники, биографические повести, мемуары, воспоминания активных участников революционной борьбы и пролетарского литературного движения.

★

В ПОРТФЕЛЕ РЕДАКЦИИ: Воспоминания В. Бонч-Бруевича, Е. Г. Лундберг — «Берлин 1922—24 гг.» Неопубликованные дневники Д. Фурманова и Я. Коробова.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ И РАССРОЧКИ ПЛАТЕЖА см. на 4-й стран. обложки
Рукописи направлять по адресу: Москва, Кузнецкий Мост, 7, ред. журн. „ОКТАБЕРЬ“

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Путем систематических обзоров и отдельных статей отдел знакомит читателя с рядом основных проблем в области искусств, смежных с литературой, с вопросами творчества и борьбы различных направлений в современной драматургии, кино, театре и живописи.

В отделе, в ряду других, будут напечатаны статьи: «О художественном методе Станиславского», «О театре Мейерхольда», «О драме, как о литературном жанре» и ряд других.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: в 1929 г. отдел будет значительно расширен и реорганизован. В ряду других статей будут помещены «Письма об искусстве» И. С. Гроссман-Рощина.

Будут напечатаны статьи: О художественном методе Ф. Гладкова, о художественном направлении в творчестве А. Фадеева, М. Шолохова и Ф. Панферова и др. Обзор художественных тенденций и направлений в советской литературе и ряд других статей.

КУЛЬТУРА — ПОЛИТИКА — БЫТ
В 1929 году будет значительно расширен и реорганизован отдел «Жизнь на ходу» — в сторону большего освещения злободневных вопросов быта, культуры, труда и социалистического строительства.

К сотрудничеству привлечены: А. Зорич, Д. Сверчков, М. Кольцов, В. Ставский, Е. Ломтагидзе, Б. Галин, С. Безбородов, Я. Ильин, Киш, В. Бонч-Бруевич, В. Асмус, Т. Костров, П. Керженцев, Н. Карев, А. Грудская, проф. Залкинд, С. Ингулов, А. Костерин, А. Шафир, А. Михайлов, Н. Бельчиков и другие.

ОКЛЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МОСКОВСКОЙ
АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

К Н И Г А

Т Р Е Т Ь Я

М А Р Т

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1929

Мосгублит № 37.128. З. Т. 957. Тираж 10.000.

Отпечатано в 7-й типографии

„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“

МОСПОЛИГРАФА.

М О С К В А,

Арбат,

Филип.,

13.

Т И Х И И Д О Н

Р О М А Н

МИХ. ШОЛОХОВ

(Продолжение)

VIII

НЕПОДАЛЕКУ от станции Дурновской Вешенский полк в первый раз ввязался в бой с отступавшими частями красногвардейцев.

Сотня, под командой Григория Мелехова, к полудню заняла небольшой, одичало заросший левадами хутор. Григорий спешил казаков в сыроватой тени верб, возле ручья, промывшего через хутор неглубокий яр. Где-то неподалеку из черной хлюпкой земли, побулькивая, били родники. Вода была ледяниста, ее с жадностью пили казаки, черпая фуражками и потом с довольным покряхтыванием нахлобучивая их на потные головы. Над хутором, сомлевшим от жары, в отвес встало солнце. Земля калилась, схваченная полуденным дымком. Травы и листья верб, обрызганные ядовито-знойными лучами, вяло поникли, а возле ручья в тени верб тучная копилась прохлада, нарядно зеленели лопухи и еще какие-то, вскормленные мочажинной почвой, пышные травы; в небольших заводях желанной девичьей улыбкой сияла ряска; где-то за поворотом щелоктали в воде и хлопали крыльями утки. Лошади, храпя, тянулись к воде, с чавканьем ступая по топкой грязи, рвали из рук поводка и забродили на середину ручья, мутя воду и разыскивая губами струю посвежее. С опущенных губ их жаркий ветер срывал ядреные алмазные капли. Поднялся серный запах взвороченной илистой земли, тины, горький и сладостный дух омытых и сопревших корней верб..

Только что казаки полегли в лопухах с разговорцами и куревом, — вернулся раз'езд. Слово «красные» вмиг вскинуло людей с земли. Затягивали подпруги и опять шли к ручью, наполняли фляжки, пили, и, небось, каждый думал: «то ли придется еще попить такой воды — светлой, как детская слеза, то ли нет?..»

По дороге переехали через ручей, остановились.

За хутором по серо-песчаному чернобылистому бугру, в версте расстояния, двигалась неприятельская разведка. Восемь всадниковсторожко с'езжали к хутору.

— Мы их заберем! Дозволишь? — предложил Митька Коршунов-Григорию.

Он кружным путем выехал с полувзводом за хутор, но разведка, обнаружив казаков, повернула обратно.

Час спустя, когда подошли две остальные конные сотни полка, выступили. Раз'езды доносили, что красные, силой приблизительно в тысячу штыков, идут им навстречу. Сотни вешенцев потеряли связь с шедшим справа 33-м Еланско-Букановским полком, но все же решили дать бой. Перевалив через бугор, спешили. Коноводы свели лошадей в просторный, ниспадавший к хутору лог. Где-то правее сшиблись разведки. Лихо зачекакал ручной пулемет.

Вскоре показались редкие цепи красных. Григорий развернул свою сотню у вершины лога. Казаки легли на гребне склона, поросшего гри-вастым мелкоку্ষтем. Из-под приземистой дикой яблоньки Григорий глядел в бинокль на далекие цепи противника. Ему отчетливо видно было, как шли первые две цепи, а за ними, между бурых неубранных валов скошенного хлеба, разворачивалась в цепь черная походная колонна.

И его и казаков изумило то, что впереди первой цепи на высокой белой лошади ехал всадник, — видимо, командир. И перед второй цепью порознь шли двое. И третью повел командир, а рядом с ним заколыхалось знамя. Полотнище его алело на грязно-желтом фоне жнивья крохотной кровавистой каплей.

— У них комиссары попереди! — крикнул один из казаков.

— Вó! Вот это геройски! — восхищенно захохотал Митька Коршунов.

— Гляди, ребятки! Вот они какие, красные!

Почти вся сотня привстала, переключаясь. Над глазами щитками от солнца повисли ладони. Разговоры смолкли. И величая, строгая тишина, предшествующая смерти, покорно и мягко, как облачная тень, легла над степью и логом.

Григорий смотрел назад. За пепельно-сизым островом верб, сбочь хутора, бугрилась колышущаяся пыль: вторая сотня на рысях шла противнику во фланг. Балка пока маскировала продвижение сотни, но версты через четыре она развилом выползала на бугор, и Григорий мысленно определял расстояние и время, когда сотня сможет выровняться с флангом.

— Ложи-и-ись! — скомандовал Григорий, круто поворачиваясь, пряча бинокль в чехол.

Он подошел к своей цепи. Лица казаков, багрово-масленные и черные от жары и пыли, поворачивались к нему. Казаки, переглядываясь, ложились... После команды «изготовься!» хищно заклацали затворы. Григорию сверху видны были одни раскоряченные ноги, верхи фуражек да спины в выдубленных пылью гимнастерках, с мокрыми от пота желобками и лопатками. Казаки расползались, ища прикрытия, выбирая места поудобней. Некоторые попробовали шашками рыть черствую землю.

В это время со стороны красных ветерок на гребне своем принес невнятные звуки пения...

Цепи шли, туго извиваясь, неровно, качко. Тусклые, затерянные в знойном просторе наплывали оттуда людские голоса.

Григорий почуял, как, сорвавшись, резко, с перебоем цокнуло его сердце... Он слышал и раньше этот стонущий напев, — слышал, как пели его мокроусовские матросы в Глубокой, молитвенно сняв бескозырки, возбужденно блестя глазами. В нем вдруг выросло смутное, равносильное страху беспокойство.

— Чево они ревут? — встревоженно вертя головой, спросил престарелый казак.

— Вроде как с какой молитвой, — ответил ему другой, лежавший справа.

— Чертячья у них молитва! — улыбнулся Андрей Кашулин; дерзко глядя на Григория, стоявшего возле него, спросил: — Ты, Пантелев, был у них, — небось, знаешь, к чему песню зараз играют? Небось, сам с ними дишканил?

«Владе-е-еть землей...» — ликующим вскриком взвихрились невнятные от расстояния слова, и вновь тишина расплеснулась над степью. Казаки нехорошо повеселели. Кто-то захохотал в середине цепи. Митька Коршунов суетно заерзал:

— Слышите, эй вы?! Землей владать им захотелось! — и похабно выругался. — Григорь Пантелев! Дай я вон энтова, што на коне, спешу! Я вдарю раз?

Не дожидаясь согласия, выстрелил. Пуля побеспокоила всадника. Он спешился, отдал коня, пошел впереди цепи, поблескивая обнаженной шашкой.

Казаки стали постреливать. Красные легли. Григорий приказал пулеметчикам открыть огонь. После двух пулеметных очередей первая цепь поднялась в перебежке. Сажень через десять снова легла. В бинокль Григорий видел, как красногвардейцы заработали лопатками, окапываясь. Над ними запорхала сизая пыль, перед цепью выросли крохотные, как возле сурчиных нор, бугорки. Оттуда полыхнули протяжным залпом. Перестрелка возгорелась. Бой грозил стать затяжным. Через час у казаков появился урон: одного из первого взвода пуля сразила на-смерть, трое раненых уползли к коноводам в лог. Вторая сотня оказалась с фланга, запылила в атаке. Атаку отбили пулеметным огнем. Видно было, как панически скакали назад казаки, грудясь в кучи и рассыпаясь веером. Отступив, сотня выровнялась и без сполошного крика, молчком пошла опять. И опять шквальный пулеметный огонь, как ветер листья, погнал ее обратно.

Но атаки поколебали стойкость красногвардейцев, — первые две цепи смешались, тронулись назад.

Григорий, не прекращая огня, поднял свою сотню. Казаки пошли, не ложась. Некоторая нерешительность и тягостное недоумение, вла-

девшие ими вначале, как будто исчезли. Бодрое настроение их подержала батарея, на рысях прискакавшая на позиции. Первый батарейный взвод, выдвинутый в огневое положение, открыл огонь. Григорий послал коноводам приказ подвести коней. Он готовился к атаке. Возле той яблоньки, откуда он вначале боя наблюдал за красными, снималось с передков третье орудие. Высокий, в узких галифе, офицер те-нористо, свирепо кричал на замешкавшихся ездových, подбегая к ору-дию, щелкая по голенищу плетью.

— Отводи! Ну?! Чорт вас мордует!..

Наблюдатель со старшим офицером в полуверсте от батареи, спешившись, с кургашка глядели в бинокли на отходившие цепи противника. От них телефонисты бегом тянули провод, соединяя батарею с наблюдательным пунктом. Крупные пальцы пожилого есаула — командира батареи — нервно крутили колесико бинокля (на одном из пальцев золотом червонело обручальное кольцо). Он зряшно топтался около первого орудия, отмахиваясь головой от цвенькавших пуль, и при каждом его резком движении сбоку болталась поношенная полевая сумка.

После рыхлого и трескучего гула Григорий проследил место падения пристрельного снаряда, оглянулся: номера, налегая, с хрипом накатывали орудие. Первая шрапнель покрыла ряды неубранной пшеницы, и долго на синем фоне таял раздираемый ветром белый хлопчатый комочек дыма.

Четыре орудия поочередно слали снаряды туда, за поваленные ряды пшеницы, но сверх григорьева ожидания орудийный огонь не внес заметного замешательства в цепи красных, — они отходили неспешно, организованно и уже выпадали из поля зрения сотни, спускаясь за перевал в балку. Григорий, понявший бессмысленность атаки, все же решил поговорить с командиром батареи; вид его внушал ему доверие. Он увалисто подошел и, касаясь левой рукой спаленного солнцем, порыжелого курчаватого кончика уса, дружелюбно улыбнулся:

— Хотел в атаку пойтить.

— Какая там атака! — есаул норовисто махнул головой, тылом ладони принял стекавшую из-под козырька струйку пота. — Вы видите, как они отходят, сукины дети? Не дадутся! Да и смешно бы было, — ведь у них в этих частях весь начальствующий состав — кадровики-офицеры. Мой товарищ, войсковой старшина Серов, у них...

— Откуда вы знаете? — недоверчиво сощурился Григорий.

— Перебежчики... Прекратить огонь! — скомандовал есаул и, словно оправдываясь, пояснил: — Бесполезно бить, а снарядов мало. Вы — Мелехов? Будем знакомы: Полтавцев. — Он толчком всунул в руку Григория свою потную крупную ладонь и, не задержав в рукопожатьи, ловко кинул ее в раскрытое зевло планшетки, достал папиросы: — Закуривайте!

С глухим громом поднялись из лога ездовые. Батарей взялась на передки. Григорий, посадив на коней, повел свою сотню вслед ушедшим за бугор красным.

Они заняли следующий хутор, но сдали его без сопротивления. Три сотни вешенцев и батарея расположились в нем. Напуганные жители не выходили из домов. Казаки сновали по дворам в поисках сестрого. Григорий спешил к возле стоявшего на отшибе дома, завел во двор, поставил у крыльца коня. Хозяин—длинный пожилой казак—лежал на кровати, со стоном перекатывал по грязной подушке непомерно малую птичью головку.

— Хворый, што ли? — поздоровавшись, улыбнулся Григорий.

— Хво-о-орый...

Хозяин притворялся больным и, судя по беспокойному шмыганью его глаз, догадывался, что ему не верят.

— Покормите казаков? — требовательно спросил Григорий.

— А сколько вас? — хозяйка отделилась от печки.

— Пятеро.

— Ну-к што жа, проходите, покормим чем бог послал.

Пообедав с казаками, Григорий вышел на улицу. Возле колодезя в полной боевой готовности стояла батарея. Обамунченные лошади, мотая торбами, доедали ячмень. Ездовые и номера спасались от солнца в холодке зарядных ящиков, сидели и лежали возле орудий. Один батареец спал ничком, скрестив ноги и дергая во сне плечом. Он, наверное, прежде лежал в холодке, но солнце передвинуло тени и теперь палило его обнаженные курчавые волосы, посыпанные сеной трухой.

Под широкой ременной упряжью лошадей лоснилась мокрая желтопенистая от пота шерсть. Привязанные к плетню верховые лошади офицеров и прислуги стояли, понуро поджав ноги. Казаки — пыльные, потные — отдыхали молча. Офицеры и командир батареи сидели на земле, прислонясь спинами к срубу колодезя, курили. Неподалеку от них, ногами врозь, шестиугольной звездой лежали на выгоревшей лебеде казаки. Они истово черпали ложками из цыбарки кислое молоко, изредка кто-нибудь выплевывал попавшее в рот ячменное зерно.

Солнце смолило иступленно. Хутор простирал к бугру почти безлюдные улицы. Под амбарами, под навесами сараев, возле плетней, в желтой тени лопухов спали казаки. Нерасседланные кони, густо стоявшие у плетней, томились от жары и дремоты. Мимо проехал казак, лениво поднимая плетль до уровня конской спины. И снова улица—как забытый степной шлях; и случайными и ненужными кажутся на ней крашенные в зеленое орудия и измороженные походами и солнцем спящие люди.

Томясь скукой, Григорий пошел-было в дом, но вдоль улицы показались трое верховых казаков чужой сотни. Они гнали небольшую кучку пленных красногвардейцев. Артиллеристы засуетились, повста-

вали, обметая пыль с гимнастеров и шароваров. Поднялись и офицеры. В соседнем дворе кто-то радостно крикнул:

— Ребята, пленных гонют! Брешу? И вот тебе мать божья!

Из дворов спеша выходили заспанные казаки. Подошли пленные — восемь провонявших потом, изузоренных пылью молодых ребят. Их густо окружили.

— Где их забрали? — спросил командир батареи, разглядывая пленных с холодным любопытством.

Один из конвойных ответил не без хвастливого удалства:

— Вояки! Это мы их в подсолнухах возле хутора переловили. Хоронились, чисто перепела от коршуна. Мы их с коней узрили — и давай гонять! Одново убили...

Красногвардейцы напуганно жались. Они, очевидно, боялись расправы. Глаза их беспомощно бегали по лицам казаков, лишь один, с виду постарше, коричневый от загара, скуластый, в засаленной гимнастерке и в прах измочаленных обмотках, презрительно глядел поверх голов чуть косящими черными глазами и плотно сжимал разбитые в кровь губы. Был он коренаст, широкоплеч, на черных, жестких, как конский волос, кудрях его приплюснуто, зеленым блином, сидела фуражка со следом кокарды, уцелевшая, наверное, еще от германской. Он стоял вольно, черными толстыми пальцами с засохшей на ногтях кровью трогал расстегнутый ворот нательной рубахи и острый, в черной щетине, кадык. С виду он казался равнодушным, но вольно отставленная нога, до коленного сгиба уродливо толстая от обмотки, на вернутой на портянку, дрожала мелкой ознобной дрожью. Остальные были бледны, безличны. Из них один он бросался в глаза дюжим складом плеч и татарским энергичным лицом. Может быть, поэтому командир батареи и обратился к нему с вопросом:

— Ты кто такой?

Мелкие, похожие на осколки антрацита, глаза красногвардейца оживились, и весь он как-то незаметно, но ловко подобрался.

— Красноармеец. Русский.

— Откуда родом?

— Пензенский.

— Доброволец, гад?

— Никак нет, старший унтер-офицер старой армии, с семнадцатого попал, и так вот до этих пор...

Один из конвоиров вмешался в разговор:

— Он по нас стрелял, вражина!

— Стрелял? — кисло нахмурился есаул и, уловив взгляд стоявшего против него Григория, указал глазами на пленного. — Каков!.. Стрелял, а? Ты что же, не думал, что возьмут? А если за это сейчас в расход?

— Думал отстреляться, — разбитые губы поежились в виноватой усмешке.

— Каков фрукт! Почему же не отстрелялся?

— Патроны израсходовал...

— А-а-а... — похолодел глазами есаул, но оглядел солдата с нескрываемым удовольствием. — А вы, сукины сыны, откуда? — уже совсем иным тоном спросил он, скользя повеселевшими глазами по остальным.

— Нибилизованные мы, ваше выскоблагородья! Саратовские мы... балашовские... — заныл высокий длинношей парень, часто мигая, поскребывая рыжевато-ржавые волосы.

Григорий с щемящим любопытством разглядывал одетых в защитное молодых парней, их простые мужичьи лица, невзрачный пешотный вид. Враждебность возбуждал в нем один скуластый. Он обратился к нему насмешливо и зло:

— На што признавался? Ты, небось, ротой у них наворачивал? Командир? Коммунист? Расстрелял, говоришь, патроны? А мы тебя за это шашками посекем — это как?

Красногвардеец, шевеля ноздрями раздавленного прикладом носа, уже смелее говорил:

— Я признавался не от лихости. Чего я буду таиться? Раз стрелял — значит признавайся... так я говорю? Что касаемо... казните. Я от вас... — и опять подлец улыбнулся! — добра не жду, на то вы и казаки.

Кругом одобрительно заулыбались. Григорий, покоренный рассудочным голосом солдата, отошел. Он видел, как пленные пошли к колодезу напиться. Из переулка взводными рядами выходила сотня пластунов.

IX

И после, когда полк вступил в полосу непрерывных боев, когда вместо завес уже лег изломистой вилюжиной фронт, Григорий всегда, сталкиваясь с неприятелем, находясь в непосредственной от него близости, испытывал все то же острое чувство огромного ненасытного любопытства к большевикам, к этим русским солдатам, с которыми ему для чего-то нужно было сражаться. В нем словно навсегда осталось то наивно-ребяческое чувство, родившееся в первые дни четырехлетней войны, когда он под Лешнювом с кургана наблюдал в первый раз за суетой австро-венгерских войск и обозов. «А что за люди? А какие они?» Будто и не было в его жизни полосы, когда он бился под Глубокой с чернецовским отрядом. Но тогда он твердо знал обличье своих врагов, — в большинстве они были донские офицеры, казаки, а тут ему приходилось иметь дело с русскими солдатами, с какими-то иными людьми, с теми, какие всей громадой подпирали советскую власть и стремились, как думал он, к захвату казачьих земель и угодий.

Еще раз как-то в бою почти в упор натолкнулся он на красногвардейцев, неожиданно высыпающих из отнoжины баерака. Он выехал со взводом на рекогносцировку, под'ехал по теклине баерачка к развилку и тут вдруг услышал окающую русскую речь на жесткое «г», матерную брань, сыпкий шорох шагов. Несколько красногвардейцев — из них

один китаец — выскочили на гребень и, ошеломленные видом казаков, на секунду замерли от изумления.

— Казаки! — падая, испуганно клокочущим голосом крикнул один.

Китаец выстрелил, и сейчас же резко, захлебываясь, скороговоркой закричал тот белесый, какой упал:

— Товарищи! Давай максимку! Казаки!

— Давай же! Казаки, вашу мать!..

Китайца Митька Коршунов срезал из нагана и, круто поворачивая коня, тесня им коня Григория, первый поскакал по гулкой крутобережной теклине, работая поводками, направляя по извилинам тревожный конский бег. За ним скакали остальные, клубясь и норовя обогнать друг друга. За спинами их баритонисто зарокотал пулемет, пули общелкивали листья терна и боярышника, густо росшего по склонам и мысам, дробили и хищно рвали каменистое днище теклины...

Еще несколько раз сходилась лицом к лицу с красными, видел, как пули казаков вырывали из-под ног красногвардейцев землю, и те падали и оставляли жизнь на этой плодovитой и чужой им земле.

... И помалу Григорий стал проникаться злобой к большевикам. Они вторглись в его жизнь врагами, отняли его от земли! Он видел: такое же чувство завладевает и остальными казаками. Всем им казалось, что только по вине большевиков, напиравших на область, идет эта дурацкая война. И каждый, глядя на необрунные валы пшеницы, на полегший под копытами нескошенный хлеб, на пустые гумна, вспоминал свои десятины, над какими хрипели в непосильной работе бабы, и черствел сердцем, зверел. Григорию иногда в бою казалось, что и враги его — тамбовские, рязанские, саратовские мужики — идут, движимые таким же ревнивым чувством к земле. «Бьемся за нее, будто за любашку», — думал Григорий.

Меньше стали брать в плен. Участились случаи расправ над пленными. Широкой волной разлились по фронту грабежи: брали у заподозренных в сочувствии большевикам, у семей красногвардейцев; раздевали донага пленных...

Брали все, начиная с лошадей и бричек, кончая совершенно ненужными громоздкими вещами. Брали и казаки и офицеры. Обозы второго разряда пухли от добычи. И чего только не было на подводах! И одежда, и самовары, и швейные машины, и конская упряжь, — все, что представляло какую-либо ценность. Добыча из обозов сплавлялась по домам. Приезжали родственники, охотой везли в часть патроны и продовольствие, а оттуда набивали брички грабленным. Конные полки, — а их было большинство, — вели себя особенно разнузданно. Пехотинцу, кроме подсумка, некуда положить, а всадник набивал сумы, седла, увязывал в тороки, и конь его запохаживался больше на вьючное животное, нежели на строевого коня. Распоясались братушки. Грабеж на войне всегда был для казака важнейшей движущей силой. Григорий знал это и по рассказам стариков о прошлых войнах и по собственному опыту. Еще в дни германской войны, когда полк ходил в тылу

по Пруссии, командир бригады — заслуженный и честный генерал — говорил, выстроив двенадцать сотен, указывая плетью на лежавший под холмами крохотный городок:

— Возьмете, — на два часа город в вашем распоряжении, но через два часа первого, уличенного в грабеже, — к стенке!

Но к Григорию как-то не привилось это, — он брал лишь с'естное да корм коню, смутно опасаясь трогать чужое и с омерзением относясь к грабежам. Особенно отвратительным казался в его глазах грабеж своих же казаков. Сотню он держал жестко. Его казаки если и брали, то таясь и в редких случаях. Он не приказывал уничтожать и раздевать пленных. Чрезмерной мягкостью вызвал недовольство среди казаков и полкового начальства. Его вызвали для объяснений в штаб дивизии. Один из чинов обрушился на него, грубо повышая голос:

— Ты что мне, хорунжий, сотню портишь? Что ты либеральничаешь? Мягко стелешь на всякий случай? По старой памяти играешь на две руки? Как это на тебя не кричать?.. А ну, без разговоров! Дисциплины не знаешь? Что — сменить? И сменим! Приказываю сегодня же сдать сотню, и, того, брат... не шурши!

В конце месяца полк совместно с сотней 33-го Еланского полка, шедшего рядом, занял хутор Гремучий Лог. Внизу по падине густо толпились вербы, ясени и тополя, по косогору разметались три десятка белостенных куреней, обнесенных низкой из дикого камня огородей. Выше хутора на взгорье доступный всем ветрам стоял старый ветряк. На фоне надвигавшейся из-за бугра белой тучи мертво-причаленные крылья его чернели косо накренившимся крестом. День был дождлив и хмарен. По балке желтая порошила метель, — листья с шопотом ложились на землю. Малиновой кровью просвечивал пышнотелый краснотал. Гумна бугрились сияющей соломой. Мягкая предзимняя наволочь крыла пресно пахнущую землю. Со своим взводом Григорий занял отведенный квартирьерами дом. Хозяин, как оказалось, ушел с красными. Им стала угодливо прислуживать престарелая дородная хозяйка с дочерью подростком. Григорий из кухни прошел в горницу, огляделся: хозяева, видно, жили ядрено — полы крашены, стулья венские, зеркало, по стенам обычные фотографии служивых и ученический похвальный лист в черной рамке. Повесив к печке промокший дождевик, Григорий свернул курить. Прохор Зыков вошел, поставил к кровати винтовку, равнодушно сообщил:

— Обозники приехали, с ними папаша ваш, Григорь Пантелевич.

— Ну, будет брехать!

— Право слово, окромя его, наших хуторных никак шесть подвод. Иди, встревай!

Григорий, накинув шинель, вышел. В ворота за уздцы вводил лошадей Пантелей Прокофьевич. На бричке сидела Дарья, закутанная в зипун домашней валки. Она держала вожжи. Из-под мокрого капюшона зипуна блестела на Григория влажной улыбкой, смеющимися глазами.

— Зачем вас принесло, земляки? — крикнул Григорий, улыбаясь отцу.

— А, сынок, живова видать! На гости вот приехали, не спроша заезжаем...

Григорий на ходу обнял широкие отцовы плечи, начал оцепливать с барок построжки.

— Не ждал, говоришь, Григорий?

— Конечно!

— А мы вот в обувательских... Захватили. Снаряды вам привезли, — только воюйте.

Распрягая лошадей, они перебрасывались отрывистыми фразами. Дарья забирала с брички харчи и зерно лошадям.

— А ты чего приехала? — спросил Григорий.

— С батей. Он у нас хворый, со Спасов никак не почунеется. Мать забоялась, — случись чево, а он один на чужой стороне...

Кинув лошадям ярко зеленого пахучего пырея, Пантелей Прокофьевич подошел к Григорию, спросил хриплым шопотом, беспокойно расширяя черные, с нездоровыми кровянистыми белками, глаза.

— Ну, как?

— Ничево... воюем.

— Слыхал брехню, вроде дальше границы не хотят казаки выступать... Верно?

— Разговоры... — уклончиво ответил Григорий.

— Што ж это вы, братцы? — как-то отчужденно и растерянно заговорил старик. — Как же так? А у нас старики надеются... Опречь вас кто же Дон-батюшку в защиту возьмет? Уж ежели вы — оборони господь! — не схотите воевать... Да как же это так? Обозные ваши брехали... Смуту сеют, сукины дети!

Вошли в хату. Собрались казаки. Разговор вначале вертелся вокруг хуторских новостей. Дарья, пошептавшись с хозяйкой, развязала сумку с харчами, собрала вечерять.

— Гутарют, будто ты уж с сотенных снятый? — спросил Пантелей Прокофьевич, принаряжая костяной расческой свалявшуюся бороду.

— Взводным я теперь.

Равнодушный ответ Григория кольнул старика: он собрал на лбу ложбины, похромал к столу и, суетно помолившись, вытирая полый чекменька ложку, обиженно спросил:

— Это за што такая немилость? Аль не угодил начальству?

Григорию не хотелось говорить об этом в присутствии казаков, досадливо шевельнул плечом:

— Новова прислали... с образованием.

— Так им и ты служи, сынок! Распроценятся они скоро! Ишь, с образованием им приспичило! Меня, мол, за германскую дивствительно образовали, небось, побольше инова очкастова знаю! — ста-

рик явно возмущался, а Григорий морщился, искоса поглядывал: не улыбаются ли казаки?

Снижение в чине его не огорчило. Он с радостью передал сотню, понимая, что ответственности за жизнь хуторян нести не будет. Но все же самолюбие его было уязвлено, и отец разговором об этом невольно причинял ему неприятность.

Хозяйка дома ушла на кухню, а Пантелей Прокофьевич, почувствовав поддержку в лице пришедшего хуторянина Богатырева, начал волнующий его разговор.

— Стало быть, взаправду мыслишку держите дальше границ не ходить?

Проход Зыков, часто моргая телячье-ласковыми глазами, молчал, тихо улыбался. Митька Коршунов, сидя на корточках у печки, обжигая пальцы, докуривал цыгарку. Остальные трое казаков сидели и лежали на лавках. На вопрос что-то никто не отвечал. Богатырев горестно махнул рукой.

— Они об этих делах не дюже печалуются,— заговорил он гудящим густым басом. — По них хучь во полюшке травушка не расти!..

— А зачем дальше иттить? — лениво спросил болезненный и смиренный казачок Ильин. — Зачем иттить-то? У меня вон сироты после жены остались, а я буду за зря жизнь терять...

— Выбьем из казачьей земли — и по домам! — решительно поддержал его другой.

Митька Коршунов улыбнулся одними зелеными глазами, закрутил тонкий пушистый ус.

— А по мне хучь ишо пять лет воевать. Люблю!

— Выхо-ди-и!.. Седлай! — закричали со двора.

— Вот видите! — отчаянно воскликнул Ильин. — Видите, отцы, — не успели обсушиться, а там уж «выходи!». Опять, значит, на позиции. А вы гутарите: границы. Какие могут быть границы? По домам надо! Замиренья надо добиваться, а вы гутарите...

Тревога оказалась ложной. Григорий, озлобленный, ввел во двор коня, без причины ударил его сапогом в пах и, бешено округляя глаза, гаркнул:

— Ты, чорт! Ходи прямо!

Пантелей Прокофьевич курил у двери. Пропустив входивших казаков, спросил:

— Чево встомашились?

— Тревога!.. Табун коров за красных сочли.

Григорий снял шинель, присел к столу. Остальные, кряхтя, раздевались, кидали на лавки шашки и винтовки с подсумками.

Когда остальные улеглись спать, Пантелей Прокофьевич вызвал Григория на баз. Присели на крыльце.

— Хочу погутарить с тобой, — старик тронул колено Григория, зашептал: — Неделю назад ездил я к Петру. Ихний 28-й полк за Калачом зараз... Я, сынок, поджился там не плохо. Петро — он гожий,

дуже гожий к хозяйству! Он мне чувал одежи дал, коня, сахару... Конь справный...

— Погоди! — сурово перебил его Григорий, обожженный дэгадой. — Ты сюда не за этим заявился?

— А што?

— Как што?

— Люди ить берут, Гриша...

— Люди! Берут! — не находя слов, с бешенством повторял Григорий. — Своево мало! Хамы вы! За такие штуки на германском фронте людей расстреливали!..

— Да ты не сепети! — холодно остановил его отец. — Я у тебя не прошу. Мне ничево не надо. Я нынче живу, а завтра ноги вытяну... Ты об себе думай. Скажи на милость, какой богатей нашелся! Дома одна бричка осталась, а он... Да и што ж не взять у энтих, какие к красным подались... Грех у них не брать! А дома каждая лычка бы годилась.

— Ты мне оставь это! А нет, — я живо провожу отсель! Я казакам морды бил за это, а мой отец приехал грабить жителей! — дрожал и задыхался Григорий.

— За это и с сотенных прогнали! — ехидно поддел его отец.

— На чорта мне это сдалось! Я и от взвода откажусь!..

— А то чево ж! Умён, умён...

С минуту молчали. Григорий, закуривая, при свете спички мельком увидел смущенное и обиженное лицо отца. Только сейчас ему стали понятны причины отцова приезда: «Для этого и Дарью взял, чертяка старый! Грабленное оберегать...» — думал он.

— Степан Астахов об'явился — слыхал? — равнодушно начал Пантелей Прокофьевич.

— Как это? — Григорий даже папиросу выронил из рук.

— А так. Оказалось — в плену он был, а не убитый. Пришел справный. Там у него одежи и добра — видимо-невидимо! На двух подводах привез, — прибрехнул старик, хвастаясь, как будто Степан был ему родной. — Аксинью забрал и зараз ушел на службу. Хорошую должность ему дали, этапным комендантом идей-то, никак в Казанской.

— Хлеба много намолотили? — перевел Григорий разговор.

— Четыреста мер.

— Внуки твои как?

— Ого, внуки, брат, герои! Гостинца бы послал.

— Какие с фронта гостинцы! — тоскливо вздохнул Григорий, а в мыслях был около Аксиньи и Степана.

— Винтовкой не разживусь у тебя? Нету лишней?

— На што тебе?

— Для дому. И от зверя и от худова человека. На всякий случай. Патрон-то я целый ящик взял. Везли, — я и взял.

— Возьми в обозе. Этова добра много, — хмуро улыбнулся Григорий. — Ну, иди спи! Мне на заставу итить.

Наутро часть полка выступила из хутора. Григорий ехал в уверенности, что он пристыдил отца и тот уедет ни с чем. А Пантелей Прокофьевич, проводив казаков, хозяином пошел в амбар, снимал с поветки хомуты и шлейки, понес к своей бричке. Следом за ним шла хозяйка, с лицом, залитым слезами, кричала, цепляясь за плечи:

— Батюшка! Родимый! Греха не боишься! За што сирот обижаешь? Отдай хомуты! Отдай ради господа бога!

— Но-но, ты бога оставь! — прихрамывая, барабошил и отмахивался от бабы Мелехов. — Ваши мужья у нас тоже, небось, брали бы. Твой-то комиссаром никак? Отвяжись! Раз «твое-мое — богово», значит, молчок, не жалься!

Потом, сбив на сундуках замки, при сочувственном молчании обозников выбирал шаровары и мундиры поновей, разглядывал их на свет, мял в черных куцых пальцах, вязал в узоры...

Уехал он перед обедом. На бричке, набитой доверху, на узлах сидела, поджав тонкие губы, Дарья. Сзади поверх всего лежал банный котел. Пантелей Прокофьевич вывернул его из плиты в бане, едва донес до брички и на укоряющее замечание Дарьи «Вы, батенька, и с г... не расстанетесь!» гневно ответил:

— Молчи, шалава! Буду я им котел оставлять! Из тебя хозяйка — как из Гришки-поганца! А мне и котел сгодится. Так-то! Ну, трогай. Чево губы растрепала?

Опухшей от слез хозяйке, затворявшей за ними ворота, сказал добродушно:

— Прощай, бабочка! Не гневайся. Вы себе ишо наживете.

Х

Цепь дней... Звено, вкованное в звено. Переходы, бои, отдых. Жара. Дождь. Смежные запахи конского пота и нагретой кожи седла. В жилах от постоянного напряжения не кровь, а нагретая ртуть. Голова от недосыпания тяжелей снаряда трехдюймовки. Отдохнуть бы Григорию, отоспаться! А потом ходить по мягкой пахотной борозде плугатарем, посвистывать на быков, слушать журавлиный голубой трубный клич, ласково снимать со щек наносное серебро паутины и неотрывно пить винный запах осенней, поднятой плугом, земли.

А взамен этого — разрубленные лезвиями дорог хлеба. По дорогам толпы раздетых, трупно-черных от пыли пленных. Идет сотня, копытит дороги, железными подковами мнет хлеба. В хуторах любители обыскивают семьи ушедших с красными казаков, дерут плетями жен и матерей отступников...

Тянулись, выхолощенные скукой, дни. Они выветривались из памяти, и ни одно событие, даже значительное, не оставляло после себя следа. Будни войны казались еще скучнее, нежели в прошлую кампанию, быть может, потому, что все изведано было раньше. Да и к самой войне все участники прежней относились пренебрежительно: и размах, и силы, и потери, — все в сравнении с германской войной

было игрушечно. Одна лишь смерть, так же как и на полях Пруссии, вставала во весь свой черный рост, пугала и понуждала по-животному оберегать себя. «Разве это война? Так, одно подобие. В германскую, бывало, немец как сыпанет из орудий, — полки выкашивал под корень, а зараз двоих из сотни поранют, — урон, говорят!» — рассуждали фронтовики. Однако и эта игрушечная война раздражала. Копилось недовольство, усталость, озлобление. В сотне все настойчиво говорили: «Выбьем из донской земли краснюков — и решка! Дальше границы не пойдем. Нехай Россия — сама по себе, а мы — сами по себе. Нам у них свои порядки не устанавливать».

Под Филоновской всю осень шли вялые бои. Главнейшим стратегическим центром был Царицын, туда бросали и белые и красные лучшие силы, а на Северном фронте у противных сторон не было перевеса. Те и другие копили силы для решительного натиска. Казаки имели больше конницы; используя это преимущество, вели комбинированные операции, охватывали фланги, заходили в тыл. Перевес был на стороне казаков лишь потому, что противостояли им морально шаткие части из свежемобилизованных красноармейцев преимущественно прифронтовой полосы. Саратовцы, тамбовцы сдавались тысячами, но как только красное командование бросало в дело рабочий полк, матросский отряд или мионовскую конницу, положение выравнивалось, и вновь инициатива гуляла из рук в руки и поочередно одерживались победы чисто местного значения.

Участвуя в войне, Григорий равнодушно наблюдал за ее ходом. Он был уверен: к зиме фронта не станет; знал, что казаки настроены примиренчески и о затяжной войне не может быть и речи: В полк изредка приходили газеты. Григорий с ненавистью брал в руки желтый, набранный на оберточной бумаге номер «Верхне-Донского края» и, бегло просматривая сводки с фронтов, скрипел зубами. А казаки добродушно ржали, когда он читал им вслух бравурные приторно-бодрые строки.

«27 сентября на Филоновском направлении бои с переменным успехом. В ночь на 26-е доблестный Вешенский полк выбил противника из хутора Подгорного и на плечах его ворвался в хутор Лукьяновский. Взятые трофеи и огромное количество пленных. Красные части отступают в беспорядке. Настроение казаков бодрое. Донцы рвутся к новым победам!»

— Сколько пленных-то забрали мы? Огромное число? Ох-ох, су-у-укины сыны! Тридцать два человека взяли-то! А они... ах-ха-ха-ха!.. — покатывался Митька Коршунов, во всю ширь раззевая белозубый рот, длинными ладонями стискивая бока.

Не верили казаки и сведениям об успехах «кадетов» в Сибири и на Кубани. Больно беззастенчиво и нагло врал «Верхне-Донской край». Охваткин — большерукий, огромного роста казак, — прочитав статью о чехословацком мятеже, заявил в присутствии Григория:

— Вот придавят чеха, а потом как жмякнут на нас всю армию, какая под ним была, — и потекет из нас мокрая жижа... Одно слово — Расея! — И грозно закончил: — Шутишь, што ля?

— Не пужай! Аж возле пупка занойло от дурацкого разговору, — отмахнулся Прохор Зыков.

А Григорий, сворачивая курить, с тихим злорадством решил про себя: «Верно!»

Он долго сидел в этот вечер за столом, ссутулясь, расстегнув ворот выгоревшей на солнце рубахи, с такими же выгоревшими защитными погонами. Загорелое лицо его, на котором нездоровая полнота сравнивала рытвины и острые углы скул, было сурово. Он ворочал черной мускулистой шеей, задумчиво покручивал закурчавившийся порыжелый от солнца кончик уса и напряженно глядел в одну точку похолодевшими за последние годы злыми глазами. Думал с тугой непривычной трудностью и, уже ложась спать, словно отвечая на общий вопрос, сказал:

— Некуда податься!

Всю ночь не спал. Часто выходил проведывать коня и подолгу стоял на крыльце, повитый черной шелково-шелестящей тишиной...

Знать, еще горела тихим трепетным светом та крохотная звездочка, под которой родился Григорий; видно, еще не созрела пора сорваться ей и лететь, сожигая небеса падучим холодным пламенем. Три коня были убиты под Григорием за осень, в пяти местах продырявлена шинель. Смерть как будто заигрывала с казаком, овевая его черным крылом. Однажды пуля насквозь пробила медную головку шашки, темляк упал к ногам коня будто перекушенный.

— Кто-то крепко за тебя молится, Григорий! — сказал ему Митька Коршунов и удивился невеселой григорьевой улыбке.

Фронт перевалил за линию железной дороги. Ежедневно обозы подвозили мотки колючей проволоки. Ежедневно телеграф струил по фронту слова: «Со дня на день придут войска союзников. Необходимо укрепиться на границах области до прихода подкреплений, сдержат натиск красных любой ценой».

Мобилизованное население долбило пешнями мерзлую землю, рыло окопы, опутывало их колючей проволокой. А по ночам, когда казаки бросали окопы и шли к жилью обогреться, к окопам подходили резведчики-красноармейцы, валяли укрепления и цепляли на ржавые шипы проволоки воззвания к казакам. Казаки читали их с жадностью, словно письма от родимых. Было ясно, что в таких условиях продолжать войну невыносимо. Полыхали морозы, сменяясь оттепелями и обильными снегопадами. Окопы заметал снег. В окопах трудно было пролежать даже час. Казаки мерзли, отмораживали ноги и руки. В пехотных и пластунских частях у многих не было сапог; иные вышли на фронт словно на баз, — для того, чтобы скотине наметать, —

в один чириках и легких шароварах. В союзников не верили: «На жуках они едут!» — горестно сказал однажды Андрюшка Кашулин. А сталкиваясь с раз'ездами красных, казаки слышали, как те горла-нили: «Эге-гей! Христосики! Вы к нам на танках, а мы к вам на санках! Мажьте пятки салом, — скоро в гости приедем!»

С середины ноября красные перешли в наступление. Они упорно оттесняли казачьи части к линии железной дороги, но перелом в операциях наступил позднее. 16 декабря мионовская конница после длительного боя опрокинула 33-й полк, но на участке Вешенского полка, развернувшегося возле хутора Колодезянского, натолкнулась на отчаянное сопротивление. Из-за оснеженной кромок гуменных прясел вешенцы-пулеметчики встречали противника, наступавшего в пешем строю, шквальным огнем. Правофланговый пулемет в опытнейших руках каргинского казака Антипова бил с рассеиванием вглубь, выкашивал перебегавшие цепи. Сотня крылась дымом выстрелов. А с левого фланга уже тронулись две сотни в обход.

К вечеру вяло наступавшие красноармейские части сменил только что прибывший на фронт отряд матросов. Они пошли в атаку на пулеметы в лоб, не ложась, без крика.

Григорий стрелял непрерывно. Задымилась накладка. Ствол накалился и обжигал пальцы. Охладив винтовку, Григорий снова вгонял обойму, ловил прижмуренным глазом далекие черные фигурки на мушку.

Матросы сбили их. Сотни, разобрав лошадей, проскакали хутор, выметнулись на бугор. Григорий оглянулся и безотчетно бросил поводья: с бугра далеко виднелось тоскливое снежное поле с мысами занесенного снегом бурьяна и лиловыми предвечерними тенями, лежавшими сбочь балок. По нем на протяжении версты черной сыпью лежали трупы порезанных пулеметным огнем матросов. Все они, одетые в бушлаты и кожаные куртки, чернели на снегу, как стая присевших в отлете грачей... К вечеру расчлененные наступлением сотни, потерявшие связь с Еланским полком и бывшим справа от них одним из номерных полков Усть-Медведицкого округа, стали на ночевку в двух хуторах, расположенных над крохотной речонкой — притоком Бузулука.

Уже в сумерках Григорий, возвращаясь от места, где по приказанию командира сотни он расстановил заставы, встретился в переулке с командиром полка и полковым ад'ютантом.

— Где третья сотня? — натягивая поводья, спросил командир.

Григорий ответил. Всадники тронули лошадей.

— Потери в сотне большие? — от'ехав, спросил ад'ютант; ответа он не расслышал, переспросил: — Как?

Но Григорий пошел, не отвечая...

Всю ночь через хутор тянулись какие-то обозы. Возле двора, где ночевал с казаками Григорий, долго стояла батарея. Сквозь одинар-

ное оконце слышались матерная брань, крик ездовых, суетня. В хату входили обогреваться номера, ординарцы штаба полка, каким-то образом очутившиеся в этом хуторе. В полночь, разбудив хозяев и казаков, вломились трое из прислуги батареи. Они неподалеку в речке увязили орудие и решили заночевать, чтобы утром выручить его быками. Григорий проснулся, долго глядел, как батарейцы, кряхтя, счищая сапог липкую, мерзлую грязь, разуваются и развешивают на боровке подземки мокрые портянки. Потом вошел по уши измазанный офицер-артиллерист. Он попросился переночевать, стянул шинель и долго с безразличным видом размазывал по лицу рукавом френча брызги грязи.

— Одно орудие мы потеряли, — сказал он, глядя на Григория покорными, как у усталой лошади, глазами. — Сегодня такой бой был, как под Мачехой. Нас нащупали после двух выстрелов... Ка-а-к са-да-нет — и моментально перешиб боевую ось! А орудие стояло на гунне. Уж куда лучше замаскировано было!.. — к каждой фразе он привычно и, наверно, бессознательно пристегивал похабное ругательство. — Вы Вешенского полка? А чай пить будете? Хозяюшка, вы бы нам самоварчик, а?

Он оказался болтливым, надоедливym собеседником. Чай поглощал без устали. И через полчаса Григорий уже знал, что родом он из Платовской станицы, окончил реальное, был на германской войне и два раза неудачно женился.

— Теперь аминь донской армии! — говорил он, слизывая пот с бритой губы острым и красным языком. — Война приходит к концу. Фронт завтра расползется, а через две недели мы будем уже в Новочеркасске. Хотели с босыми казаками штурмовать Россию! Ну, не идиоты ли? А кадровые офицеры — все негодяи. Ей-богу! Вы ведь из казаков? Да? Вот вашими руками они и хотят каштанчики из огня таскать. А сами по интендантствам лавровый лист да крупу отвешивают!

Он часто моргал пустоцветными глазами, шевелился, наваливаясь на стол всем крупным и плотно сбитым корпусом, а углы большого растянутого рта были мрачно и безвольно опущены вниз, и на лице хранилось целостным прежнем выражение покорной, замордованной лошади.

— Раньше, хотя бы в эпоху Наполеона, добро было воевать! Сошлись две армии, цокнулись, разошлись. Ни тебе фронтов, ни сиденья в окопах. А теперь начни разбираться в операциях, — сам чорт голову сломит. Если раньше историки брехали, то в описании этой войны такого наворочают!.. Скука одна, а не война! Красок нет. Грязцо! И вообще бессмыслица. Я бы этих верховодов свел один на один и сказал: «Вот вам, господин Ленин, вахмистр, учитесь у него владеть оружием, а вам, господин Краснов, стыдно не уметь». И пускай бы, как Давид с Голиафом, бились: чей верх, — того и власть. Народу все равно, кто им правит. Как вы думаете, господин хорунжий?

Григорий, не отвечая, сонно следил за тугими движениями его мясистых плеч и рук, за неприятно часто мелькавшим в скважине рта сукровично-красным языком: ему хотелось спать, злил навязчивый, придурковатый артиллерист, вызывал тошноту исходивший от потных ног его запах псины...

Утром Григорий проснулся с нудным ощущением чего-то невырешенного. Развязка, которую он предвидел еще с осени, все же поразила его своей внезапностью. Проглядел Григорий, как недовольство войной, вначале журчившееся по сотням и полкам мельчайшими ручейками, неприметно слилось в могущественный поток. И теперь видел лишь этот поток, стремительно-жадно размывавший фронт.

Так на повесне едет человек степью. Светит солнце. Кругом непечатый лиловый снег. А под ним, невидимая глазу, творится извечная прекрасная работа — раскрепощение земли. С'едает солнце снег, червоточит его, наливает из-под исподу влагой. Парная туманная ночь, и наутро уже с шорохом и гулом оседает наст, по дорогам и колесникам пузырится зеленая нагорная вода, из-под копыт во все стороны талыми комьями брызжет снег; тепло, отходят и оголяются супесные пригорки, первобытно пахнет глинистой почвой, истлевшей травой. В полночь мощно ревут баераки, гудят заваливаемые снежными оползнями яры, сладостным куревом дымится бархатисто-черная обнаженная зябь. К вечеру, стояя, ломает степная речушка лед, мчит его полноводная, туго налитая, как грудь кормилицы, и пораженный неожиданным исходом зимы стоит на песчаном берегу человек, ищет глазами места помельче, щелкает запотевшего, перепрядывающего ушами коня плетью, а кругом предательски и невинно голубеет снег, дремотная и белая лежит зима...

Весь день полк отступал. По дорогам скакали обозы. Где-то правее, за серой тучей, застлавшей горизонт, рыхлыми обвалами грохотали орудийные залпы. По оттаявшей унавоженной дороге хлюпали сотни, месили мокрый снег лошади с захлюстанными щетками. По обочинам дорог скакали ординарцы. Молчаливые грачи, затянутые в блестящее синеватое оперение, кургузые и неловкие, как пешие кавалеристы, важно и качко расхаживали сбочь дороги, пропуская мимо себя, как на параде, отступающие казачьи сотни, колонны оборванных пластунов, валки обозов.

Григорий понял, что стремительно разматывающуюся пружину отступления уже ничто не в силах остановить. И ночью, исполненный радостной решимостью, он самовольно покинул полк.

— Ты куда собрался, Григорь Пантелев? — спросил Митька Коршунов, насмешливо наблюдавший, как Григорий одевает поверх шинели дождевик, цепляет шашку и наган.

— А тебе што?

— Любопытно.

Григорий поиграл зарозовевшими желваками скул, но ответил весело, с подмигом:

— На кудыкино поле. Понял? — и вышел.

Конь его стоял нерасседланный.

До зари он скакал по дымящимся от ночного заморозка шляхам. «Поживу дома, а там услышу, как будут они иттить мимо, и пристану к полку», — отстраненно думал он о тех, с кем сражался вчера бок о бок.

На другой день к вечеру он уже вводил на отцовский баз сделавшего двухсотверстный пробег, исхудавшего за два дня, шатавшегося от усталости коня.

XI

А неделю спустя началось самое страшное — развал фронта. Первым обнажил занятый участок, находившийся на Калачовском направлении, 28-й полк, в котором служил Петро Мелехов.

Казак после тайных переговоров с командованием 15-й Инзенской дивизии решили сняться с фронта и беспрепятственно пропустить через территорию Верхне-Донского округа красные войска. Яков Фомин, недалекий, умственно ограниченный казак, стал во главе мятежного полка, но по сути только вывеска была фоминовская, а за спиной Фомина правила делами и руководила Фоминым группа большевистски настроенных казаков.

После бурного митинга, на котором офицеры, побаиваясь пули в спину, неохотно доказывали необходимость сражаться, а казаки дружно, напористо и бестолково выкрикивали все те же надоевшие всем слова о ненужности войны, о примирении с большевиками, — полк тронулся. После первого же перехода ночью возле слободы Солонки командир полка, войсковой старшина Филиппов, с большинством офицерского состава отбился от полка и на рассвете пристал к отступавшей, потрепанной в боях бригаде графа Мольера.

Следом за 28-м полком покинул позиции 36-й полк. Он в полном составе, со всеми офицерами прибыл в Казанскую. Рабски заискивавший перед казаками мелкорослый, с вороватыми глазами командир, окруженный всадниками, верхом под'ехал к дому, где находился этапный комендант. Вошел воинственно, играя плетью.

— Кто комендант?

— Я — помощник коменданта, — привставая, с достоинством ответил Степан Астахов. — Закройте, господин офицер, дверь.

— Я — командир 36-го полка, войсковой старшина Наумов. Э... честь имею... Мне необходимо одеть и обуть полк. Люди у меня раздеты и босы, слышите вы?

— Коменданта нет, а без него я не могу вам выдать со склада ни пары валенок.

— Как?

— А вот так.

— Ты!.. Ты с кем?.. Ар-р-рестую, чорт тебя де-р-ри! В подвал его, ребята! Где ключи от склада, тыловая ты крыса! Что-о-о? — Наумов

хлопнул по столу плетью и, побледнев от бешенства, сдвинул на затылок лохматую манджурскую папаху. — Давай ключи — и без разговоров!

Через полчаса из дверей склада, вздымая оранжевую пыль, полетели на снег, на руки столпившихся казаков вязанки дубленых полушубков, пачки валенок, сапог, из рук в руки пошли кули с сахаром. Шумный и веселый говор долго будоражил площадь...

А в это время 28-й полк с новым командиром полка, вахмистром Фоминым, вступал в Вешенскую. Следом за ним верстах в тридцати шли части Инзенской дивизии. Красная разведка в этот день уже побывала на хуторе Дубровке...

Командующий Северным фронтом генерал-майор Иванов за четыре дня до этого вместе с начальником штаба генералом Замбрицким спешно эвакуировались в станицу Каргинскую. Автомобиль их буксовал по снегу, жена Замбрицкого в кровь кусала губы, дети плакали...

В Вешенской на несколько дней установилось безвластие. По слухам в Каргинской сосредоточивались силы для того, чтобы бросить их на 28-й полк. Но 22-го из Каргинской в Вешенскую приехал адъютант Иванова и, посмеиваясь, забрал на квартире командующего забытые им вещи: летнюю фуражку с новенькой кокардой, головную щетку, белышко и еще кое-что по мелочам...

В образовавшийся на Северном фронте стоверстный прорыв хлынули части 8-й красной армии. Генерал Саватеев без боя отходил к Дону. На Талы и Богучар спешно отступали полки генерала Фицхеллаурова. На севере на неделю стало необычно тихо. Не слышался орудейный гул, помалкивали пулеметы. Удрученные изменой верхне-донских полков, без боя отступали бившиеся на северном фронте низовские казаки. Красные подвигались сторожко, медленно, тщательно щупая разведками лежащие впереди хутора.

Крупнейшую для донского правительства неудачу на Северном фронте сменила радость. В Новочеркасск 28 декабря прибыла союзническая миссия: командующий британской военной миссией на Кавказе генерал Пуль с начальником штаба полковником Киссом и представителями Франции — генерал Франше-д'Эсперэ и капитан Фукэ.

Краснов повез союзников на фронт. На станции Чир на перроне в холодное декабрьское утро был выстроен почетный караул. Вислоусый, пропойского вида генерал Мамонтов, обычно неряшливый, но на этот раз подтянутый, блистающий сизым гляncем свежевыбритых щек, ходил по перрону, окруженный офицерами. Ждали поезда. Около вокзала топтались и дули на посиневшие пальцы музыканты военного оркестра. В карауле живописно застыли разномастные и разновозрастные казаки низовских станиц. Рядом с седобородыми дедами стояли безусые юнцы, перемеженные чубатыми фронтовиками. У дедов на шинелях блистали золотом и серебром кресты и медали за Ловчу и Плевну, казаки помоложе были густо увешаны крестами, выслуженными за лихие атаки под Геок-Тепе, Лидиантунем и на германской —

за Перемышль, Варшаву, Львов. Юнцы ничем не блистали, но тянулись в струнку и во всем старались подражать старшим.

Окутанный молочным паром, пригрохотал поезд. Не успели еще распахнуться дверцы пульмановского вагона, а капельмейстер уже свирепо взмахнул руками, и оркестр зычно дернул английский национальный гимн. Мамонтов, придерживая шашку, зашпешил к вагону. Краснов радушным хозяином вел гостей к вокзалу мимо мертво застывших шпалер казаков.

— Казачество все поднялось на защиту родины от диких красногвардейских банд. Вы видите представителей трех поколений. Эти люди сражались на Балканах, в Японии, Австро-Венгрии и Пруссии, а теперь сражаются за свободу отечества, — сказал он на превосходном французском языке, изящно улыбаясь, царственным кивком головы указывая на дедов, выпучивших глаза, замерших без дыхания.

Недаром Мамонтов по распоряжению свыше старался в подборе почетного караула. Товар был показан лицом.

Союзники побывали на фронте, удовлетворенные вернулись в Новочеркасск.

— Я очень доволен блестящим видом, дисциплинированностью и боевым духом ваших войск, — перед отъездом говорил генерал Пуль Краснову. — Я немедленно отдам распоряжение, чтобы из Салоник отправили сюда к вам первый отряд наших солдат. Вас, генерал, я прошу приготовить три тысячи шуб и теплых сапог. Надеюсь, что при нашей помощи вы сумеете окончательно искоренить большевизм.

... Спешно шились дубленые полушубки, заготавливались валенки. Но что-то не высаживался в Новороссийске союзнический десант. Уезжавшего в Лондон Пуля сменил холодный, высокомерный Бриггс. Он привез из Лондона иные инструкции и жестко с генеральской прямолинейностью заявил: «Правительство его величества будет оказывать Добровольческой армии и Дону широкую материальную помощь, но не даст ни одного солдата».

Комментарии к этому заявлению не требовались...

XII

Враждебность, незримой бороздой разделившая офицеров и казаков еще в дни империалистической войны, к осени 1918 года приняла размеры неслыханные. В конце 1917 года, когда казачьи части медленно стекались на Дон, случаи убийств и выдачи офицеров были редки, зато год спустя они стали явлением почти обычным. Офицеров заставляли во время наступления, по примеру красных командиров, идти впереди цепей и без шума, тихонько постреливали их в спины. Только в таких частях, как Гундоровский георгиевский полк, спайка была крепка, но в донской армии их было немного.

Лукавый, смекалистый тугодум Петро Мелехов давно понял, что ссора с казаком накличет смерть, и с первых же дней заботливо старался уничтожить грань, отделявшую его, офицера, от рядового. Он,

так же как и они, говорил в удобной обстановке о никчемности войны, при чем говорил это неискренне, с великой натугой, но неискренности этой не замечали; подкрашивался под большевика и неумеренно стал заискивать в Фомине, с тех пор как увидел, что его выдвигает полк. Так же, как и остальные, Петро не прочь был пограбить, поругать начальство, пожалеть пленного, в то время как в душе его припадочно колотилась ненависть, и руки карежила судорога от зудящего желания ударить, убить... На службе был он покладист, прост, — воск, а не хорунжий! И ведь втерся Петро в доверие к казакам, сумел на ихних глазах переменить личину.

Когда под слободой Солонкой Наумов увел офицеров, Петро остался. Смирный и тихий, постоянно пребывающий в тени, во всем умеренный, вместе с полком пришел он в Вешенскую. А в Вешенской, пробыв два дня, не выдержал, бзыкнул и, не побывав ни в штабе, ни у Фомина, ахнул домой.

С утра в тот день в Вешенской на плацу около старой церкви был митинг. Полк ждал приезда делегатов Инзенской дивизии. По плацу толпами ходили казаки в шинелях, нагольных полушубках и сшитых из шинелей, в сюртуках, в ватных чекменях. Не верилось, что эта пестро одетая огромная толпа — строевая часть, 28-й казачий полк. Петро уныло переходил от одного курагота к другому, по-новому оглядывал казаков. Раньше на фронте одежда их не бросалась в глаза, да и не приходилось видеть полк целой компактной массой. Теперь Петро, ненавистно покусывая отросший белесый ус, глядел на заиневевшие лица, на головы, покрытые разноцветными папахами, малахаями, кубанками, фуражками, снижал глаза и видел такое же богатое разнообразие: растоптанные валенки, сапоги, обмотки поверх снятых с красноармейца ботинок. «Босотва! Мужики проклятые! Выродки!» — в бессильной злобе шептал про себя Петро.

На заборах белели фоминовские приказы. Жителей не было видно на улицах. Станица выжидающе таилась. В просветах переулков виднелась белая грудина заметенного снегом Дона. Лес за Доном чернел, как нарисованный тушью. Около серой каменной громады старой церкви овечьей атарой кучились приехавшие с хуторов к мужьям бабы.

Петро, одетый в опушенный по бортам полушубок с огромным карманом на груди и эту проклятую каракулеву офицерскую папаху, которой он недавно так гордился, ежеминутно чувствовал на себе косяе, холодные взгляды. Они пронизывали его сквозняком, усугубляли и без того тревожно-растерянное настроение. Он смутно помнил, как на днище опрокинутой среди плаца бочки вырос приземистый красноармеец, в добротной шинели и новехонькой мерлушковой папашке с расстегнутыми матузками наушников. Рукой в пуховой перчатке он поправил обмотанный вокруг шеи дымчато-серый трусовый, казачий с мохрами шарф, огляделся.

— Товарищи казаки! — резнул по ушам Петра низкий простуженный голос.

Оглянувшись, Петро увидел, как казаки, пораженные непривычным в их обиходе словом, переглядываются, подмигивают друг другу обещающе и взволнованно. Красноармеец долго говорил о советской власти, о Красной армии и взаимоотношениях с казачеством. Петру особенно запомнилось — оратора все время перебивали криками:

— Товарищ, а што такое камуния?

— А нас в нее не запишут?

— А што за комуническая партия?

Оратор прижимал к груди руки, поворачивался во все стороны, терпеливо раз'яснял:

— Товарищи! Коммунистическая партия — это дело добровольное. В партию вступают по собственному желанию те, кто хочет бороться за великое дело освобождения рабочих и крестьян от гнета капиталистов и помещиков.

Через минуту из другого угла толпы выкрикивали:

— Просим раз'яснить начет коммунистов и комиссаров!

После ответа не прошло и нескольких минут, как снова чей-нибудь ярovitый бас громыхал:

— Непонятно гутаришь про комунию. Покорнейше просим растолковать. Мы — люди темные. Ты там простыми словами жарь!

Потом нудно и долго говорил Фомина и часто, к делу и не к делу, щеголял словом «экуироваться». Около Фомина вьюном вился какой-то молодой парень в студенческой фуражке и щегольском пальто. А Петро, слушая бессвязную речь Фомина, вспомнил, как в феврале 1917 года, в день, когда к нему приехала Дарья, в первый раз увидел он его на станции по пути к Петрограду; перед глазами его стоял строгий, влажно мерцающий взгляд широко посаженных глаз дезертира-атаманца, одетого в шинель с истертым номером «52» на урядничьих погонах, медвежковатая его поступь... «Невтерпеж, братушка!» — слышались Петру невнятные слова. «Дезертир, дурак вроде Христони, и зараз командир полка, а я в холодке» — горячечно блестя глазами, думал Петро. Казак, опоясанный наперекрест пулеметными лентами, сменил Фомина.

— Братцы! Я сам у Подтелкова в отряде был, и вот ишо, может, бог даст, придется со своими иттить на кадетов! — хрипел он, дергаясь и пьяно кидая руками.

Петро быстро зашагал к квартире. Седлал коня и слышал, как стреляли казаки, раз'езжаясь из станицы, по старому обычаю оповещая хутора о возвращении служивых.

(Продолжение следует)

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Приветствие венгерским пролетписателям	3
М. КОЛОСОВ.— Индивидуальное воспитание. <i>Рассказ</i>	4
А. ФАДЕЕВ.— Последний из Удэге. <i>Роман (продолжение)</i>	12
Д. КЕДРИН.— Казнь. <i>Стих.</i>	32
Ал. ТВЕРДОВСКИЙ.— Доклад. <i>Стих.</i>	36
М. ИСАКОВСКИЙ.— Мастера земли. <i>Стих.</i>	38
К. МИТРЕЙКИН.— Калифорния. <i>Стих.</i>	40
Б. УРАЛЬСКИЙ.— * * * <i>Стих.</i>	42
С. БОНДАРИН.— Зима вокруг мавзолея. <i>Стих.</i>	44
Г. КРЕЙТАН.— Акробатка. <i>Стих.</i>	45
МИХ. ШОЛОХОВ.— Тихий Дон. <i>Роман (продолжение)</i>	47
В. СТАВСКИЙ.— Николай Масленников. <i>Рассказ</i>	70

ПЕРЕЖИТОЕ

А. И. СВИРСКИЙ.— История моей жизни. <i>Повесть (окончание)</i>	83
---	----

ЖИЗНЬ НА ХОДУ

Е. ЕРМИЛОВ.— Ласковый враг	92
А. ИСБАХ.— Увлеченные борьбой за социализм	102
С. ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ.— Эдиссоны у станков	111
Н. КОСТАРЕВ.— Бокс в Карлтоне	118
Ф. ФЕДОТОВ.— Безработные	124

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

Ф. ПАНФЕРОВ	135
Н. ДЕМЕНТЬЕВ	140
М. С.	144

КРИТИКА

Л. АВЕРБАХ.— О Фурманове и пролетарской литературе	147
И. С. ГРОССМАН-РОЩИН.— Письма об искусстве (<i>письмо второе</i>)	158
М. СЕРЕБРЯНСКИЙ.— Мир и художник	171

БИБЛИОГРАФИЯ

Л. ТИМОФЕЕВ.— «Бизнес»	178
Б. Иллеш — «Тисса горит», Бруно Ясенский — «Я жгу Париж», А. Белый — «Москва», «Ветер с Кавказа», Ф. Березовский — «Бабы тропы», Ал. Макаров — «Путь секундной стрелки», Яков Коробов — «На утренней заре», «На острие ножа»	184—196

3358

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1929 ГОД

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛ

ОКТАБРЬ

Рекомендован Главполитпросветом, КО ВЦСПС и ПУРом.

ЖУРНАЛ „ОКТАБРЬ“ заметно вырос качественно за последний год, поэтому библиографический отдел Главполитпросвета рекомендует его городским библиотекам, как один из наиболее ценных художественно-литературных журналов.

Главполитпросвет.

ЖУРНАЛ „ОКТАБРЬ“, ведущий борьбу за создание и оформление пролетарской литературы, собирающий вокруг себя лучшие художественные силы, чутко откликающийся на явления общественной жизни, должен быть в каждой рабочей библиотеке.

Культотдел ВЦСПС.

ВКЛЮЧЕН ПУРом в рекомендательный список периодических изданий для частей РККА на 1929 г. в качестве обязательного для клубов 1, 2 и 3-го разрядов.

Наши читатели единодушно отмечают значительный качественный рост журнала, который действительно стал творческим центром пролетарской литературы; они проявляют огромный интерес к печатаемым в журнале романам („Тихий Дон“ — Шолохова, „Последний из Удэге“ — А. Фадеева, „Бруски“ — Панферова и др.).

Чтобы еще больше укрепить связь нашего журнала с широкими читательскими массами, чтобы шире знакомить нашего читателя с новейшими произведениями пролетарской советской и иностранной литературы, по предложению читателей журнал „ОКТАБРЬ“ в 1929 г. даст своим подписчикам следующие приложения по 3 абонеентам.

1-й АБОНЕМЕНТ — 28 р.

1. 12 книг журнала „Октябрь“.
2. М. Шолохов. — Тихий Дон — 3 тома.
3. А. Фадеев. — Последний из Удэге (новый роман).
4. Ф. Панферов. — Бруски — 2 тома.
5. Ю. Либединский. — Поворот (роман).
6. Календарь коммуниста на 1929 г.

7. 24 номера „Роман-Газеты“. Приложения в продаже стоят 28 р., по абонементу же „Октябрь“ — 16 р.

Допускается рассрочка:

Первый взнос (при подп.) 12 р.
Второй взнос (к 15/IV) 9 р. 50 к.
Посл. взнос (к 15/VII) 6 р. 50 к.

2-й АБОНЕМЕНТ 22 р. 50к.

1. 12 книг журнала „Октябрь“.
2. М. Шолохов. — Тихий Дон — 3 тома.
3. А. Фадеев. — Последний из Удэге (новый роман).
4. Ф. Панферов. — Бруски — 2 тома.
5. Ю. Либединский. — Поворот (роман).

Приложения в продаже стоят 16 р. 60 к., по абонементу — 10 р. 50 к.

Допускается рассрочка:

Первый взнос (при подп.) 9 р. 50 к.
Второй взнос (к 15/IV) 7 р. 50 к.
Посл. взнос (к 15/VII) 5 р. 50 к.

3-й АБОНЕМЕНТ 17 р. 50 к.

1. 12 книг литературно-художественного и общественно-политического журнала „Октябрь“.
2. Календарь коммуниста на 1929 г.

3. 24 номера „Роман-Газеты“. Приложения в продаже стоят 8 р. 50 к., по абонементу — 5 р. 50 к.

Допускается рассрочка:

Первый взнос (при подп.) 7 р. 50 к.
Второй взнос (к 15/IV) 5 р. 50 к.
Посл. взнос (к 15/VII) 4 р. 50 к.

12 КНИГ

литературно-художественного и общественно-политического журнала „ОКТАБРЬ“ без приложений: на год — 12 р., на 6 м. — 7 р., на 3 м. — 4 р. Отд. номер в розн. продаже — 1 р. 40 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва Центр, Кузнецкий Мост, 7, его отделениями и уполномоченными, отделениями газет „Известия“ и „Правда“, всеми почтово-телеграфными конторами и киосками контрагентства печати.

КОНТРАГЕНТСТВО ПЕЧАТИ